

ХИРОТОНИЯ ВО ЕПИСКОПА

В 1982 году Господь призвал меня на архиерейское служение. Моя жизнь изменилась настолько неожиданно, что поначалу даже было чувство страха из-за принятия этой большой ответственности перед Богом.

С детства я воспринимал епископство как великое служение в Церкви. Это высота духовности, особый дар молитвенности, постоянное предстояние за народ перед Богом и попечение о людях. Сердце епископа должно быть исполнено любовью, и он сам должен являть чистоту сердечную и пример терпения в несении жизненного креста. «Кто я, чтобы мне быть на такой великой свещнице», – проносилось в голове. Но пути Господни неисповедимы, и в новом назначении я видел промыслительное водительство Божие.

Вопрос о моем избрании епископом в Америку возник после визита туда Святейшего Патриарха Пимена в июне 1982 года. Когда он находился в Нью-Йорке, к нему обратился управляющий Патриаршими приходами в Канаде и США архиепископ Ириней с просьбой о возвращении на Родину. Подбором нового епископа занимался митрополит Минский Филарет, являвшийся в то время председателем Отдела внешних церковных связей. Он знал меня хорошо, поэтому по возвращении из Америки пригласил к себе и предложил поехать в эту страну.

Предложение было неожиданным, я сказал, что не готовился стать епископом и не знаю ни архиерейских обязанностей, ни особенностей служения в Америке. Владыка Филарет ответил, что Церковь «никого не готовит к служению епископом, мы все должны быть хорошими пастырями, а Сам Господь всё управит и научит. Послужить Церкви Христовой надо всегда быть готовым. Наше дело подчиняться Его благой воле и всецело положиться на благословение Святейшего Патриарха и решение Священного Синода». После этого предложения я обратился за советом к своему духовнику. Его ответ был: «Принимай за послушание, ты справишься».

16 июля 1982 года состоялось заседание Священного Синода, на котором я был избран епископом Серпуховским, управляющим Патриаршими приходами в США и Канаде.

Накануне праздника преподобного Сергия Радонежского, 17 июля, митрополит Филарет приехал в Лавру. После всенощного бдения он пригласил меня к себе и сказал: «Синод утвердил твою кандидатуру в качестве епископа Серпуховского. Завтра ты служишь с Патриархом в Троицком соборе. Святейший возведёт тебя в сан архимандрита, а 7 августа в Свято-Духовском соборе города Минска состоится наречение во епископа, и там же, 8 августа, будет совершена архиерейская хиротония. Теперь готовься».

Радостно было слышать, что Святая Церковь доверяет мне такое ответственное служение, но тяжело было осознавать

молодому, неопытному в пастырском деле игумену, что жребий равноапостольского служения выпадает тебе. Ведь впереди, думал я, непростой путь несения архипастырского креста, к тому же он будет проходить вдали от родных, духовных наставников и друзей.

Интуитивно я понимал, что для церковного служения человек должен быть уже духовно зрелым, иметь постоянство в жизни. Хотя с другой стороны, Синод принимает решение об избрании епископом, если видит, что человек этого достоин. В своей жизни я старался всегда быть готовым к любому послушанию и к любому испытанию, которое будет мне дано от Господа.

Всё это время я находился в академии, каждый день ходил в Троицкий собор к мощам преподобного Сергия и молитвенно просил его помощи в предстоящем служении. В начале августа я передал митрополиту Филарету слово при наречении и готовился к поездке в Минск. Перед рукоположением я заказал себе облачение на предприятии в Софрино. Архиепископ Варнава (Кедров) подарил мне три митры и белое облачение. Вместе со мной в Минск поехали мама и мои братья: протоиерей Николай с семьёй, игумен Василий и Алексей.

В Минске это была первая архиерейская хиротония, поэтому она стала для города необычным событием. Для участия в хиротонии приехали архиепископ (ныне митрополит) Харьковский Никодим, архиепископ Тульский Герман и епископ Пинский Афанасий. Хиротония прошла при большом стечении народа, я всегда вспоминаю то молитвенное настроение, которое наполняло храм. Хотя это была моя «личная» пятидесятница, но я чувствовал в тот день, что ликовала вся Церковь Белорусская. Многие люди в первый раз видели хиротонию епископа, а это ведь одно из семи Таинств, которые составляют основу сакральной жизни Церкви.

После Литургии и вручения мне жезла митрополит Филарет поздравил меня с принятием архиерейства и обратился к маме, выразив ей благодарность за моё воспитание. При этом он отметил, что «ещё больше придется молиться за сына, ибо крест епископского служения непростой». Я помню, как моя родительница стояла у амвона, склонив голову, и при слове владыки о кресте осенила себя крестным знаменем, а в это время свой взор на неё обратили многие присутствующие люди, и в их глазах были радость и поддержка.

Затем я стал благословлять народ и чувствовал их теплоту и то духовное единство, которое мы все пережили за Литургией.

Тогда мне пришла мысль: как же велика вера нашего народа, сколько он пережил, но Бога не забыл, не оставил епископов и священников, сохранил к ним любовь, а главное, не поменял Истину Христову на чечевичную похлебку, то есть не изменил Церкви Христовой ради «светлого будущего», которое обещали коммунисты.

В то время меня прежде всего беспокоили вопросы: каким должен быть епископ и смогу ли я быть добрым пастырем для народа. Я понимал, что епископами избирают не всех, и служение это очень ответственное, «страшное», как говорил святитель Иоанн Златоуст, но, в то же время, благодатное и спасительное, если человек, полагаясь во всём на Бога, исполнен Его страхом.

Образцом для подражания для меня были владыки ректоры, которые всю свою жизнь посвятили беззаветному служению Господу и людям. На уроках не всегда услышишь то, что увидишь на примере своих наставников.

Архиерейский сан принимают не по сумме знаний. Специально этому не обучают ни в семинарии, ни в академии, хотя все будущие архиереи обязательно должны окончить духовные школы. Без богословской подготовки проходить высокое служение епископа невозможно. Епископство – это призвание. Получается, что Господь Своим промыслом готовил меня к этому в течение всей моей предыдущей жизни.

Когда я учился в академии, то видел, что служение архиерея не ограничивается во времени. Я был свидетелем того, как ректор частенько засиживался в своём кабинете допоздна. Если выйдет на улицу погулять – к нему подходят люди с вопросами: студенты, преподаватели или просто верующие. И владыка ректор всем давал ответ.

Мое представление об архипастырском служении дополняли рассказы священников из других епархий о деятельности их владык. И передо мной вырисовывался образ архиерея как человека, который постоянно радеет о деле церковном, в мыслях всегда устремлён к Богу, предусмотрителен, думает о том, что нужно сделать в церкви, чтобы лучше выполнить её миссию на Земле.

Став епископом, я это почувствовал на себе. У архиерея нет лимита рабочего времени, он всегда в трудах. Поэтому архиерейство не является работой – это служение. Епископ служит Богу, служит людям. Его служение простирается на всех и не имеет временных рамок – оно совершается постоянно.

И ещё один момент, который я не могу оставить без внимания. Когда я стал епископом, то понял, что архиерей везде и всегда остается архиереем. Он не может, как говорится, снять рясу и стать на время, как все. Нет, он не как все. Его все видят, все знают. И он каждое мгновение должен своей жизнью показывать пример пастве. У архиерея не может быть отпуска в светском его понимании, он не может расслабиться. Даже если он и поехал куда-то, то и там он тоже архиерей и должен вести себя в соответствии со своим саном. Рясу можно оставить в шкафу, а благодать в шкафу не оставишь, её можно лишиться, а это как для архиерея, так и для священника бедственное состояние. Он тогда не сможет вести ко Христу людей, даже если будет стоять на кафедре.

В Церкви отношения строятся не на административных началах, то есть я – начальник, а ты – подчинённый, в Церкви не должно быть лицеприятия и кастовой разобщенности, но *все и во всем Христос* (Кол. 3, 11). Церковь – единое тело Христово, и все её члены должны быть едины. Невзирая на высоту своего сана, православный архиерей не возвышается над священниками и паствой, а находится среди них, и так ведёт народ Божий ко спасению. Более того, Господь оставил всем Своим ученикам заповедь: *больший из вас да будет вам слуга* (Мф. 23, 11). Это духовный закон для всех начальствующих, и я стараюсь следовать ему, зная, что буду отвечать перед Богом за вверенное мне ответственное служение.

С такими мыслями я вступал на путь нового церковного служения.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАТРИАРШИМИ ПРИХОДАМИ В КАНАДЕ И США

Трудно было уезжать из Лавры, из академии, где прошли лучшие дни моей жизни. Не хотелось расставаться с полюбившимися лаврскими богослужениями, с дорогой сердцу духовной школой. Я чувствовал себя в чём-то недоучившимся. Всякое начинание – дело непростое. А мне, молодому по духовному опыту епископу, нужно было начинать служение в незнакомой стране. Чувство волнения и ответственности не оставляли меня в те дни. Я перечитал десятки книг об особенностях архиерейского служения, просмотрел все публикации о служении в Америке наших епископов. Но знание и опыт – разные вещи. Опыт приобретается жизнью.

Но коль Господь так определил, я принял это послушание.

После хиротонии я больше находился в Москве и готовился к отъезду. Изучал дела, встретился с архиепископом Иовом (ныне митрополитом Челябинским) и возвратившимся из США моим предшественником архиепископом Иринеем. Оба с большим знанием дела рассказали о ситуации в американских приходах и особенностях служения там. Их советы, особенно рекомендации владыки Иринея, мне очень помогли. Владыка Иов в то время был заместителем председателя ОВЦС, и впоследствии, когда я прилетал в Москву, он всегда выслушивал меня и со вниманием относился к моим вопросам. И хотя я преподавал в семинарии историю Православия в Америке, подготавливаясь к поездке в эту страну, я старался ещё глубже её изучить, усвоить исторические вехи развития Православия в Америке и понять особенности служения там.

Православие на Северо-Американском континенте берёт своё начало от миссионерского служения нашей Церкви на Аляске. С открытием Аляски Витусом Берингом туда поехали наши купцы и промышленники, которые первыми стали проповедовать среди местного населения.

В 1794 году на Аляску приехала первая духовная миссия, её стараниями вера глубже стала входить в сознание местных жителей. Особое распространение по территории Аляски Православие получило при святителе Иннокентии, который ввёл новые формы миссионерского служения. При нём Церковь стала более открытой для местных этнических групп. Его метод проповеди лёг в основу всей миссионерской деятельности Церкви. Его служение не ограничивалось Аляской, он бывал в Калифорнии, посещал русское поселение Форт Росс, там встречался с католическими миссионерами и вёл с ними диалог.

Продажа Аляски Соединенным Штатам в 1867 году с одной стороны ослабила наше присутствие там, а с другой стороны способствовала развитию миссии в континентальной Америке. В Северной Америке была учреждена самостоятельная епархия, а для удобства связи приходов Аляски с Петербургом её центр перенесён в Сан-Франциско, где к тому времени уже действовал один приход.

В конце XIX века из Карпатской Руси и Галиции в Америку в поисках работы стали приезжать переселенцы, которые в большинстве своем были униатами. В США они селились в основном в восточных и средне-западных штатах возле

небольших городов, а в Канаде – в средних и западных провинциях, где обосновывались на фермах и занимались сельским хозяйством.

Специфика расселения сказалась на образовании приходов. Американские приходы – в основном городского и поселкового типа, а канадские – фермерские. Ещё в то время в США каждый приход хотел иметь священника, а в Канаде довольствовались одной или несколькими службами в месяц, поэтому и священник там был один на несколько храмов.

Первоначально в США новообразованные приходы были зависимы от греко-католического (униатского) митрополита во Львове, и священники направлялись из Галиции. Но католические епископы США отказывались их принимать, так как они были женаты, а в Римско-Католической Церкви все священнослужители должны быть безбрачными.

В конце 1889 года в Миннеаполис прибыл священник Алексей Товт. По его инициативе делегация миннеапольского прихода посетила в 1891 году Сан-Франциско и встретила с епископом Русской Православной Церкви Владимиром (Соколовским).

25 марта 1891 года, в Неделю Православия, епископ Владимир прибыл в Миннеаполис и перед Божественной Литургией присоединил к Православию священника Алексея Товта и 365 членов Свято-Мариинского прихода – бывших греко-католиков (униатов). Этот приход стал в США первым, перешедшим из унии в Православие. Вслед за ним в течение следующей четверти века к Православию присоединилось ещё более 500 приходов.

В Канаде образование приходов Русской Православной Церкви началось в 1897 году. Тогда епископ Алеутский и Аляскинский Николай (Зиоров) по просьбе жителей Лайм Стоун Лэйка, что в 70 милях от Эдмонта, где на фермах поселились русины, приехавшие из Карпатской Руси, направил туда священника Димитрия Камнева и псаломщика Владимира Александра из Сиэтла.

Здесь стоит обратить внимание на интересную деталь. Когда они прибыли в дом Фёдора Немирского, где должны были остановиться, то обнаружилась крайняя бедность переселенцев и их большая жажда быть православными. В небольшом доме Немирского из мебели был только стол, а вместо скамеек стояли пни, накрытые досками. Глава семьи, в которой было семеро детей, предложил отцу Димитрию остановиться в его доме, а сам с домочадцами собрался перейти в подсобные

помещения. Миссионер отказался от такого предложения и, чтобы не создавать неудобства, поселился в палатке.

В течение десяти дней отец Димитрий обошёл более 120 семей и в каждом доме беседовал о вере, спрашивал, желают ли они принять Православие. На субботу, 5 июля, и воскресенье, 6 июля, были назначены богослужение и воссоединение с Православием.

Подходящего помещения для богослужения не нашлось, и служить решили прямо на поляне, недалеко от дома Немирского. Там поставили стол, иконы, устроили временные подсвечники. В субботу после вечерней службы и в воскресенье после утрени Камнев провёл беседу о Православии. После этого был совершён «Чин воссоединения с православием» и Божественная Литургия. В этот день к Православию присоединилось около 600 человек. В течение двадцати лет в Канаде было образовано более ста приходов, в основном фермерских.

Особенность канадских приходов заключалась в том, что большинство прихожан были потомками переселенцев из Западной Украины, которые обосновывались на фермах. До 1867 года Канада была колонией Англии, и хотя она получила самостоятельность, однако главой государства является британский монарх, с 1952 года – Королева Елизавета II, в Оттаве присутствует её генерал-губернатор. В стране отмечают все официальные английские праздники, а во всех храмах поминается имя английской королевы.

В то время политика Англии по отношению к своей канадской территории заключалась в освоении земель и создании постоянных поселений. С этой целью по небольшим ценам эмигрантам продавались земли для ведения сельского хозяйства. Труд на полях тогда не был механизирован, а поэтому переселенцы приобретали небольшие земельные наделы, которые могли обработать. Они селились по фермерскому принципу – дом и все строения были рядом с земельным наделом.

Приезжая на новые места, они сохраняли родные обычаи и свою веру. Старались селиться в том районе, где уже жили их земляки. Они объединялись и строили себе храмы, а при них устраивали кладбища. Для служения приглашали священников. Обычно священник начинал с одного-двух приходов, а потом вёл работу с другими общинами, и, если они были униатские, то присоединял их к Православию.

При увеличении числа приходов епископ присылал в тот район ещё священников: так происходил рост епархии в Канаде.

В строительстве храмов переселенцы не имели никакой помощи со стороны, всё делали за счёт личных взносов. Это сказалось на их отношении к своим храмам, они их очень любят и берегут. Чувство любви к храму они передали своим детям и внукам. Сейчас, когда фермы укрупнились благодаря механизации труда, а население на них сократилось, храмы сохранились, в престольные или памятные дни на богослужение собирается много народа. Приезжает молодежь, которая помнит, что их предки начинали свою жизнь в Канаде с этого места, именно здесь они возделывали землю и в этом храме духовно укреплялись. Это очень важное качество, которое они сохранили, – помнить своё прошлое.

После революции 1917 года в американском Православии произошёл раскол. Некогда единая русская метрополия, насчитывавшая более семисот приходов, где служило свыше четырёхсот священников, имевшая пять мужских и один женский монастырь, духовную семинарию, дьяко-учительскую школу, женский колледж, три сиротских приюта, эмигрантский дом и типографию с одиннадцатью изданиями, теперь разделилась на разные части по национальному и политическому принципам (образовались греческая, антиохийская, карпато-русская, украинская, албанская епархии, Североамериканская метрополия, Русская Зарубежная Церковь).

Верность избранному на Поместном соборе 1917 года патриарху Тихону и его преемникам сохранила часть приходов: тридцать восемь в США и двадцать четыре в Канаде. Оставшиеся в лоне РПЦ приходы с 1933 года были объединены в Экзархат. Не признавшие митрополита Сергия заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола, а затем Местоблюстителем и Патриархом, а также избрание патриарха Алексия I (Симанского), они образовали несколько групп. Самыми крупными с русской традицией стали Митрополия Русской Православной Церкви в Америке и Русская Зарубежная Церковь.

В 1970 году было подписано соглашение между Московской Патриархией и Митрополией о признании последней автономной Церковью и восстановлении общения. Согласно Томосу¹ об автокефалии Православной Церкви в Америке от 1970 года, за Московской Патриархией на территории США и Канады сохранялись две церковно-административные структуры, находившиеся в каноническом подчинении Патриарха Московского и Священного Синода (Патриаршие приходы в США

¹ Церковный документ

и Патриаршие приходы в Канаде) со всеми входящими в них приходами, управление которыми совершалось викариями Патриарха Московского. Так сложилось, что с 1970 по 1986 год они управлялись одним епископом.

Первый епископ Макарий (Уманский) был назначен в Канаду, и ему было поручено временно управлять приходами в США. Его преемники епископ Иов, потом епископ Ириной также были управляющими Патриаршими приходами в Канаде и временно управляющими приходами в США.

Я тоже был назначен управлять двумя группами приходов, но, изучив ситуацию, просил митрополита Филарета назначить в Канаду отдельного епископа. Такое решение было принято позже, в 1986 году, – тогда в моём управлении оставили приходы США, а в Канаду был назначен епископ Николай (Шкрумко).

5 октября 1982 года я вылетел в Монреаль. В самолёте со мной летел посол СССР в Канаде (в 1973–1983 годах) Александр Николаевич Яковлев. Тогда я с ним и познакомился. Получилось так, что у меня было место в экономклассе, а у него в первом. Свободных мест в первом классе не было. Рядом с Яковлевым сидел советник посольства, который также летел в Оттаву. Увидев, что я нахожусь в экономическом классе (а я летел в рясе с панагией), Александр Николаевич подошёл ко мне, представился и поинтересовался, кто я. Я сказал, что являюсь новым епископом и лечу в Канаду, где буду управлять приходами. Тогда он попросил сидевшего с ним сотрудника уступить мне место, а самому пересесть в экономический класс. Так мы с ним летели до Монреаля, всю дорогу беседовали, а на следующий день Яковлев пригласил меня посетить посольство. Человек он интересный, уже тогда я обратил внимание, что взгляд на ситуацию в Советском Союзе у него иной, чем в наших газетах. Он свободно комментировал отдельные позиции «классиков» марксизма, высказывался о необходимости изменений во внутренней жизни нашей страны и положительно говорил о роли Церкви в обществе. Я подумал: дипломат, живёт за границей, видит иную жизнь, поэтому так и думает. Я ещё не знал, что он станет одним из руководителей страны, членом Политбюро ЦК КПСС, идеологом перестройки, которая в итоге приведёт к разрушению могущественной КПСС, но уже тогда чувствовал в его словах что-то новое по отношению к Церкви. Позже именно А. Н. Яковлев способствовал возвращению нашей Церкви Оптиной Пустыни и Толгского монастыря.

В аэропорту Монреаля меня встретили казначей Патриарших приходов Виктор Лопушинский и Уолтер Литвин, наш прихожанин из Эдмонтона, который постоянно проживал в Оттаве и работал госслужащим в правительственном учреждении. Из Монреаля мы поехали к нему домой в пригород Оттавы, где я провёл 6 и 7 октября. В первый день я нанёс визит в наше посольство и ещё раз встретился с Яковлевым. Затем я посетил представительство английской королевы и побеседовал с одним из его сотрудников. В эти же дни я ознакомился с жизнью православных общин в городе. Дело в том, что ни в Оттаве, ни в Монреале, ни в Торонто храмов нашей юрисдикции не было, и переехавшие из западной части Канады наши прихожане посещали храмы Православной Церкви в Америке или Русской Зарубежной Церкви. Вечером 6 октября в доме Литвина состоялась дружеская встреча представителей православных приходов в Оттаве.

7 октября я вылетел в Эдмонтон. В аэропорту меня встречали протоиерей Иоанн Маргитич, архимандрит Димитрий Щур, протоиерей Петр Влодек, протоиерей Никандр Шимко, протоиерей Арсений Мельник, а также очень много прихожан.

В первые же минуты я почувствовал радушие и теплоту встречающих. С некоторыми из них мне уже приходилось видеться, когда они, посещая Москву, приезжали в Лавру. Тогда был обычай всех паломников приводить в академию на обед, во время которого проходило общение. В Лавре бывало так много людей, что я их не вспомнил, а вот они запомнили наши встречи, и мы чувствовали себя как давние знакомые.

Они меня расспрашивали о жизни на Родине, о Церкви, о тех священниках, которые там служили. Особенно им был памятен митрополит Макарий (Свистун) и протоиерей Виктор Петлюченко, которые своим радушием и теплотой общения снижали глубокое уважение.

Своё служение в Америке мне пришлось начинать с изучения английского языка. До этого я проходил его только в рамках учебной программы и не предполагал, что знание английского будет для меня так важно. Теперь же это стало мне необходимо. Сразу после приезда я пошёл в школу, приняли меня во второй класс для иммигрантов. Методика отличалась от той, какую используют в наших школах. За два месяца я окончил второй класс, и меня перевели в третий, но дальше учиться я не смог, так как надо было лететь в Нью-Йорк.

Приходами в Канаде я управлял до назначения туда в 1986 году по моей просьбе самостоятельного епископа. Моё

прошение было обусловлено тем обстоятельством, что управлять приходами в разных, больших по размеру, странах очень сложно.

Центр канадских приходов находился в Эдмонтоне (это Западная Канада), а в США – в Нью-Йорке. В Канаде у нас было двадцать четыре прихода в двух провинциях, в США – двадцать приходов в одиннадцати штатах. Много времени приходилось тратить на поездки. Да и жизнь приходов в Канаде и Америке, так же как духовный склад и тип религиозности жителей этих стран, заметно отличались.

В Канаде приходская жизнь была менее активна, чем в США, но народ там с особой бережностью относился к своим традициям, которые, как они выражаются, их предки привезли «со старого края». Прихожанами были в основном украинцы. Они сохранили многое из своего традиционного уклада жизни и религиозного быта, в частности предрождественские дни и Святки отличались особой подготовкой и настроением.

Каждый раз, когда я бывал в канун Рождества Христова в Эдмонтоне, то меня по очереди приглашали в разные дома на ужин, «щедрый вечер». Он начинался в 18 часов, после того как появится звезда на небе, а до этого времени никто, даже дети, ничего не ел. На стол подавали двенадцать постных (без масла) блюд, а под столом обычно стелилась солома. Эту традицию они особо бережно хранили, причем её хорошо знала и молодёжь.

Главным храмом в Канаде был Свято-Варваринский собор. Настоятелем его был протоиерей Иоанн Маргитич, в нём служил также архимандрит Димитрий Щур. Отец Иоанн был энергичным, деятельным человеком. Он каждый день к 6 утра приезжал в храм, брал запасные дары и ехал в госпиталь причащать кого-то из прихожан. Его знал весь город, и он был дружелюбен ко всем, никому никогда не отказывал.

В беседах со мной отец Иоанн рассказывал, что часто бывали такие ситуации: «Приду в госпиталь по приглашению прихожанки, пособорую, причащу, собираюсь уходить. Ко мне подходит медсестра и говорит, что из соседней палаты женщина просит подойти, она при смерти. Зайду, спрошу, какой Церкви принадлежит. Она скажет, что католичка или униатка, но её никто из священников не навещает. Я с ней поговорю, расскажу о Православии, прочитаю отрывок из Евангелия и молитву, покроплю святой водой, имя запишу, чтобы помолиться. В следующий раз, когда прихожу в госпиталь, если она жива, зайду к ней,

немного побеседую. Бывали случаи, когда после таких посещений человек просит присоединить его к Православию. А если ещё человек и выздоровеет, то потом всю свою жизнь говорит: «принял Православие и исцелился».

Удивительным человеком был отец Иоанн – не имея богословского образования и миссионерской подготовки, он был настоящим пастырем-миссионером. Отпуск почти никогда не брал, постоянно находился в храме, посещал больницы или делал какие-либо другие дела по приходу. Среди рабочего дня, проезжая мимо офиса, где работал кто-то из прихожан, обращавшихся к нему со своими проблемами, обязательно навещал его, ободрял несколькими словами поддержки. После Литургии, когда давал крест, он каждому человеку, даже ребёнку, говорил несколько слов. Все это вызывало к нему симпатию.

Кроме соборного клира в канадских приходах служило ещё три священника с Украины, которые были направлены Патриархией. Каждый из них окормлял от шести до девяти фермерских приходов. В одних приходах (а это пятьдесят – семьдесят семей) богослужения совершались два раза в месяц, в других – один раз. В некоторых – три-четыре раза в год: после праздника Крещения, чтобы затем освятить дома; после Фоминой недели, чтобы совершить литию на кладбище; в храмовый праздник (он обычно переносился на воскресенье) и осенью, после уборки урожая, чтобы отслужить благодарственный молебен. Когда в таких приходах совершалась служба, туда съезжались прихожане со всей округи.

Получалось так, что некоторые люди для того, чтобы посетить богослужение каждое воскресенье, ездили в разные храмы. В Великую субботу священник обычно объезжал все приходы, чтобы совершить вынос Плащаницы и освятить куличи с пасхами. В другое время священника приглашали только на крещение, венчание или отпевание.

По субботам служились «благодарственные службы», то есть в связи с памятными датами или событиями просили, чтобы было совершено богослужение (Божественная Литургия или молебны), или совершались требы. Если праздник приходился на будничные день и священник у себя на приходе не служил, то он приходил в собор и там участвовал в богослужении. В праздники после богослужения все прихожане собирались на обед. В каждом приходе было сестричество, которое занималось подготовкой трапезы. Продукты прихожане приносили с собой, предварительно договорившись, кто что приготовит.

Самые дальние приходы находились на севере провинции Альберта: в восьмистах километрах от Эдмонта прихода Спирит-Ривер и в тысяче километров – Норт-Стар. Для совершения там богослужений священник обычно уезжал на два-три дня.

Отпраздновав вместе с прихожанами в главном канадском соборе престольный праздник – память Святой великомученицы Варвары, 18 декабря 1982 года я вылетел из Эдмонта в Нью-Йорк и около 16 часов был уже в Свято-Никольском соборе. Там собралось наше духовенство и прихожане не только этого собора, но и из других приходов. На воскресенье приходился престольный праздник святителя Николая, поэтому сразу после прибытия я совершил всенощное бдение, а на следующий день Божественную Литургию.

Свято-Никольский собор в Нью-Йорке имеет свою интересную историю. Он построен по инициативе святителя Тихона, Патриарха Всероссийского в бытность его главой Алеутской и Североамериканской епархии. Сюда в 1904 году он перенёс из Сан-Франциско епархиальный центр, и здесь была его резиденция. В 1928 году собор перешёл к обновленческой группировке, которую возглавил митрополит Иоанн Кедровский, прибывший в США из Советского Союза и объявивший себя законным представителем Русской Православной Церкви. В 1934 году он скончался, и обновленцев возглавил его сын Николай Кедровский, который служил в соборе до своей кончины в 1944 году, когда собор перешёл к Русской Православной Церкви. Но в 1947 году решением суда штата Нью-Йорк в Олбини собор был передан Североамериканской митрополии, а представителей Московской Патриархии из него удалили. И только при митрополите Макарии (Ильине) усилиями адвоката Филиппа Адлера по решению Верховного суда США от 23 ноября 1952 года собор был возвращён Русской Православной Церкви. Главным аргументом был факт исторической принадлежности собора и то, что он построен на деньги, собранные в России, а не в США. Судья, подводя итог процессу, отметил: «Кафедральный собор есть место пребывания и центр церковной власти. Никольский собор – архиерейская кафедра одного из великих религиозных организмов. В этом деле на карту поставлено право отправления церковной власти». И далее он указал, что Русская Православная Церковь в Америке для русских исторически происходила из России. С этого момента Свято-Никольский собор в Нью-Йорке вновь стал центром Русской Церкви в США.

После праздника Рождества Христова я продолжил изучение английского языка. По благословению митрополита Филарета поступил в специальную школу по изучению языков «Бэлиц Скул». Методика изучения там очень эффективная, и скоро я уже мог говорить проповеди на английском языке в приходах США и Канады.

Прихожанами только трёх американских приходов – Свято-Никольского собора в Нью-Йорке, Свято-Никольского собора в Сан-Франциско и Воскресенского собора в Чикаго – были преимущественно русские. Они понимали и свободно говорили по-русски, хотя и с акцентом. В приходах, расположенных в штатах Нью-Джерси и Пенсильвания, в разговорной речи прихожане могли понимать русский язык, но проповедовать приходилось на английском. В остальных приходах, особенно в штатах Огайо, Мичиган, Алабама, Флорида и городах Бенелд и Сан-Диего, и проповеди, и беседы проходили только по-английски.

К примеру, настоятелем храма в Сан-Диего был протоиерей Роман Мерлос, мексиканец, значительную часть прихожан составляли арабы (палестинцы), мексиканцы, американцы, а тех, кто имел русские корни, было всего десять-двенадцать человек. Здесь я полностью служил на английском языке, только некоторые возгласы произносил на славянском. Ещё обязательно надо было говорить два возгласа по-арабски, для чего я записывал сложные арабские выражения на листе бумаги. Не знаю, как у меня это получалось, но после службы меня всегда приглашали к себе влиятельные арабские прихожане, и во время обеда или ужина хорошо отзывались о моём произношении.

Этнически смешанные приходы, в которых более половины прихожан составляли активные сторонники Русской Церкви, были у нас и в городах Детройт, Филадельфия, Ист Лансинг, Бенелд, Тампа, Балтимор, Сан-Диего и других. Поначалу для меня было большой трудностью начать говорить по-английски и говорить правильно, чтобы слушатели меня поняли, особенно когда речь шла о России и Русской Церкви. Со временем это всё мне удалось.

Приходская жизнь в США некоторым образом отличалась от канадской. Американские общины были более активны, в основном это была так называемая «экономическая иммиграция», то есть переселенцы из России, Западной Украины и Закарпатья, которые приехали в Америку в конце XIX – начале XX столетия в поисках работы. У них тогда сложилась традиция

поддерживать в общинах друг друга, собираться вместе в помещениях при храмах для обсуждения всех вопросов, выступать в защиту своих требований перед работодателями. Ведь Америка страна особой психологии и нравов. Её экономическое становление происходило за счёт рабов, и эксплуатация человека воспринималась как норма (рабство отменено только в 1865 году). Существовали законы, которые защищали труд человека, но, чтобы отстаивать свои права, нужно было их знать, а иммигранты не знали их, и на приходах для них организовывалась юридическая помощь.

Православные общины зарождались, когда не было телевидения, и приходской зал был тем местом, где после рабочего дня или в конце рабочей недели переселенцы могли встретиться со своими земляками и обсудить все наболевшие вопросы или просто пообщаться между собой.

В то время в наших приходах и зародилась культура общинной жизни. Она не была навязана извне, а явилась естественным развитием. Подобное было и в других христианских общинах, приходы формировались по этническому и вероисповедному принципу. В США, к примеру, было несколько лютеранских церквей: немецкой, шведской или датской ориентации, причем их храмы могли находиться на соседних улицах, а они между собой не общались. И это объяснимо. Основывали приходы иммигранты, они старались селиться недалеко друг от друга. Каждый новый переселенец искал, где живут его земляки, чтобы с их помощью устроиться.

Существовали даже национальные агентства, которые способствовали прибывавшим в США найти место для жительства и работу. Естественно, их посылали туда, где уже жили переселенцы из той же страны. Обосновываясь на постоянное жительство, они строили церковь в соответствии со своей традицией. Там они собирались по праздникам и воскресным дням на богослужения, которые совершались обычно на их родном языке.

Простые люди, приезжавшие в Америку как рабочая сила, не знали английского языка, поэтому им было легче жить в одной общине. Этой общиной обычно являлся приход, где они не только чувствовали связь с родиной, но и находили поддержку. По такому принципу основывались и православные общины. В храмах совершалось богослужение на понятном им языке, это смягчало тоску по родине. Кроме того, приход помогал в интеграции переселенцев в американскую среду.

В то время был создан и ряд межприходских объединений (Православное Общество Взаимопомощи в Северной Америке; Православное Женское Общество Взаимопомощи в С.А.С.Ш.; Русское Православно-Христианское Эмиграционное Общество и другие). Их целью была поддержка вновь прибывших и помощь в сохранении своей культуры.

Американизация первых переселенцев была поверхностной, традиции «старого края» у них хорошо сохранились. Но их дети больше подверглись интеграции в американскую культуру, они учились в американских школах, хорошо владели английским языком, с детства соприкасались с американским образом жизни и принимали его, нередко вступали в смешанные браки. В приходах постепенно входил в употребление английский язык, вначале как разговорный, а впоследствии и как богослужебный.

Со временем в общинах стали появляться члены с другой этнокультурной традицией. Это происходило как через смешанные браки, так и через миссию. Когда переселенцы адаптировались к жизни в Америке, функции социализации прихожан на приходе отпали, но сохранилась их объединяющая роль как хранителей православной культуры. В церкви все собиравались на богослужение, которое совершалось в соответствии с их традицией, взрослые имели возможность общаться и проводить социальные и культурные мероприятия, дети – учиться нравственности и основам веры. Так что жизнь общин постоянно развивалась.

Американские приходы многонациональны, и хотя отдельные из них в названиях сохранили указание на национальную принадлежность, но это относится только к богослужебной традиции прихода, а не к его составу. Общины у них в основном миссионерские и открыты для всех людей.

Жизнь православных в Америке значительно отличается от российской, на неё большое влияние оказал американский менталитет. Американцы относятся к религии, как к одной из форм социальной жизни. Они меньше уделяют времени духовной жизни. Не только в среде протестантов, но и у католиков нет такого отношения к монастырям, как в Европе, нет понятия об отшельническом подвиге, а паломничество к святыням больше похоже на туризм.

Религиозные организации воспринимаются как социальные учреждения. Многие из них имеют приюты, дома для престарелых, проводят разные благотворительные акции, в то время как

богослужению отводится час в неделю. В американских церквях таинства сведены до формальности, утрачено понятие исповеди как раскаяния в своих грехах. Американцы идут в храм больше не для того, чтобы помолиться, а чтобы поприсутствовать на богослужении, поучаствовать в благотворительности и пообщаться друг с другом. Проповедь порой напоминает выступление на социальном мероприятии, в ней мало говорится о духовной жизни и христианском подвиге.

Такое понимание жизни христианина проникло и в православную среду, и нередко люди удерживаются в общине за счет вовлечения их в социальную жизнь прихода.

До своей командировки я представлял Америку религиозной страной. Слышал, что там много разных церквей. В США действительно очень много религиозных организаций. Американская ментальность такова, что каждый человек может создать церковь. Но, прожив в Америке некоторое время, я увидел, как жизнь приходов пронизана духом американизма. Он имеет влияние на культурные традиции, царит в основах жизни человека и включает в себе одну главную цель – достижение материальных благ. Сама психология американского общества материалистична: там проповедуется, что смысл жизни заключается в обретении богатства на земле. Американскому ребёнку с пелёнок прививают мысль, что для нормальной жизни необходимо иметь много денег. Христианский аскетизм американскому обществу вообще непонятен, и даже православный человек, регулярно посещающий храм, воспринимая имеющиеся в американском обществе ценности, приобретает секуляризованный дух. Его умонастроение сфокусировано на земных ценностях, как лучше устроить себе жизнь здесь, на земле.

Американизм проник в сознание даже русской эмиграции, которая долго прожила в этой стране. С каждым поколением она теряет свои традиции. Если наши соотечественники, которые выехали за рубеж после революции 1917 года, принесли в зарубежный мир русскую культуру и русскую православную веру, то сегодня многие эмигранты, точнее их потомки, стали американцами, причем не только по гражданству, но и по пониманию жизни, отношению к ней.

В свое время из книг я знал, что миллионы русских людей выехали в Европу, в Америку, сотни тысяч оказались на Западе после Второй мировой войны. Но фактически в США осталось небольшое количество настоящих русских людей, которые

стремятся сохранить русские обычаи и традиции. Вместе с тем, ко многим общинам присоединились люди других национальностей, которых привлекала наша богатая церковная история и духовность, они считали её своей и хотели сохранить.

Например, при Свято-Андреевском приходе в Филадельфии был замечательный ансамбль русской народной песни. Этот приход основан русскими, которые приехали получать построенный на верфи в Филадельфии крейсер «Варяг». И в течение года, живя там и изучая современный по тем временам корабль, они построили храм. При храме был организован музей, посвященный крейсеру «Варяг», а прихожане организовали ансамбль. Участники ансамбля пели за богослужениями в храме. А после богослужений выступали в своем зале, устраивая концерты. Они играли на балалайках, на других народных инструментах, пели русские народные песни. Неоднократно они приезжали на гастроли в Россию, причем коллектив состоял не только из выходцев из России, но и американцев, которые пришли в Свято-Андреевский приход, полюбили наши русские традиции, культуру и стали её носителями. Руководителями и вдохновителями ансамбля были протодиакон Павел Карноух и его матушка Анастасия.

Америка – страна иммигрантов, причем из разных стран мира. Нравственное состояние населения там очень разное, это касается и молодого поколения. Всё зависит от того, в какой общественной группе воспитывается молодой человек, к какой религиозной и культурной традиции принадлежит его семья.

Там много переселенцев из европейских стран, глубоко воспринявших пуританское кальвинистское наследие, что отражается на их понимании нравственности и семейной жизни. У подобных людей более крепкие семьи, в них с особой любовью относятся к детям, а дети уважают родителей. Однако либеральный взгляд на жизнь проникает и в эти семьи. Этому способствует школьная среда, а также место досуга молодежи, различные игровые центры.

Американская молодёжь всё больше стремится быть независимой от своих родителей и от их взглядов, включая культурные и духовные традиции. Это приводит к тому, что многие молодые люди в Америке слишком рано, порой совсем в юном возрасте, не только узнают о грехе, но и приобщаются к нему. Сторонники, так сказать, сверхсекулярного понимания прав человека на грех и свободу от нравственности подвергают

коррозии само понимание христианской жизни, отвергают необходимость аскетического подвига. Это зародилось в протестантизме и стало проникать в православную среду, в том числе и в наши дни в среду нашей молодёжи.

Изучая проблемы молодёжи наших приходов, я понял, что если мы не воцерковим молодое поколение, не привьём ему любовь к Православию, то лишим его будущего. И мы стремились сделать так, чтобы молодые прихожане поняли, почему они ходят в Русскую Церковь, почему они православные. Было организовано несколько поездок в Россию, чтобы дать молодёжи возможность прикоснуться к православным святыням, ощутить духовную связь со своей исторической родиной. Это имело очень большое значение, ведь в то время в американских СМИ они не могли услышать ни одного доброго слова о нашей стране.

Ещё одной характерной чертой американцев является политизированность сознания. У них крепкое, сильное чувство патриотизма, с детства им прививают мысль, что Америка всегда права, что они граждане Америки, которая имеет превосходство над другими странами. Они с гордостью говорят «I am American», поэтому на них большое влияние оказывает политическая атмосфера страны.

Когда, к примеру, Рейган объявил, что «Россия – империя зла», то в обществе, в той его части, которая особо не думает, укоренилось мнение, что Россия – плохая страна. Сделано это было с определённым расчётом: тогда ещё существовал Советский Союз, но употреблялось название «Россия». Стоило приехать М. С. Горбачеву – отношение поменялось: «Русские – друзья». Политика seriously влияет на сознание американцев. Когда в 1946 году была объявлена холодная война и в стране проходила антирусская компания, то жившие там русские стали менять свои фамилии: например, Белов стал Вайтом. Американский менталитет сложился под влиянием представления о России как о вечном конкуренте и оппоненте, вот почему относятся к ней с постоянной настороженностью.

Свое служение в Америке я начал с развития связей между приходами, духовенством и прихожанами. Сложилась парадоксальная ситуация: Свято-Никольский собор в Нью-Йорке не являлся для приходов центром. К нему относились как к представительству Патриарха, а приходы были сами по себе и разделялись на три части, три независимых благочиния.

Архиерей воспринимался как «добрый владыченька», но не как управляющий приходами. Даже такой вопрос как обустройство общеприходской канцелярии и рабочего кабинета епископа, епископский совет приходов, который был распределителем общеприходских финансов, никого не волновал. Административной связи с Собором – центром РПЦ – в Америке почти не было.

Я поставил задачу сделать так, чтобы каждый священник знал и чувствовал, что Собор – это его духовный и административный центр. Для этого я стал чаще встречаться с духовенством, активней привлекать к общеприходским делам членов Совета Патриарших приходов, проводить в соборе заседания епископского совета. Постоянными стали общеприходские съезды и пастырские конференции для духовенства, на которых обсуждались вопросы пастырского служения.

Также я практиковал, приезжая в какой-нибудь штат, собирать всё духовенство с ближайших приходов, а иногда и из соседних штатов, и мы совершали совместные богослужения и проводили собрания. Это в значительной степени помогло мне лучше узнать жизнь и потребности приходов и духовенства, а самим священникам больше общаться между собою и почувствовать, что Свято-Никольский собор является их духовным центром.

За первый год я посетил все наши двадцать девять приходов и познакомился с их жизнью, со всем нашим духовенством. Тогда я разделил приходы на три категории: крупные, средние и малые.

Крупные приходы (Пассейк, Гарфилд, Сингак, Елизабет, Свято-Михайловский в Филадельфии, Детройт) должны были нести основную нагрузку в проведении различных мероприятий, а не только больше других переводить в общую кассу отчисления. Я им поручал поочередно проводить общеприходские мероприятия, организовывать поездки в другие, меньшие приходы, с целью их поддержки.

К средним приходам относились Скрэнтон, Вилкес Бар, Иннокентиевский в Детройте, Балтимор, Ист-Лансинг, а остальные, так называемые малые, были относительно слабыми, в них зачастую священники вынуждены были работать, чтобы обеспечить себя.

Уровень организации жизни тоже был разным. Так, приходы в Гарфилде, Пассейке, Сингаке имели большие универсальные залы. В них проводили приёмы на восемьсот – тысячу

человек, социальные мероприятия, различные соревнования. В таких приходах были юношеские и молодёжные баскетбольные команды, которые участвовали в соревнованиях в штате и в рамках Федерации Русских Православных Клубов и даже становились победителями многих турниров. Завоеванные ими кубки, грамоты и другие призы выставляли в витринах при входе в приходской центр.

Кроме того, при этих приходах были хорошие воскресные школы, велась активная работа с молодежью. Большую роль играли сестричества, при участии которых проходили все приходские мероприятия. Каждое воскресенье они проводили чаепития, вели дела воскресных школ, готовили храм к праздничным богослужениям. Одна слабость – всё это существовало в социальной плоскости, не было направлено по духовной вертикали – к Богу.

Приходы были активно вовлечены в общественную жизнь. К примеру, приход в небольшом городке Бенел, расположенном недалеко от города Сент-Луис, штат Миссури, являлся главным местом, где могли собираться не только православные, но и вообще местные жители. В принадлежащем приходу зале на триста-четыре человека каждую неделю проходили вечера общения, на которых участникам за десять долларов предоставлялся комплексный ужин. Кроме того, помещение сдавалось для проведения свадебных церемоний и концертов, что поддерживало приход экономически.

Основной проблемой наших приходов была их малочисленность и разбросанность по разным штатам, поэтому межприходские мероприятия удавалось проводить редко. Только духовенство приходов в Нью-Джерси и в восточной Пенсильвании можно было часто собирать, а остальные находились на приличном расстоянии и на восток Штатов могли приехать раза два в год.

В США не сильно поддерживают идею централизованной иерархии, за исключением Римско-Католической Церкви. В основе всех религиозных организаций лежит конгрегационализм, выраженный в сильном влиянии конгрегаций, общин. В большинстве протестантских церквей общины имели большую самостоятельность и в своих делах были независимы от административных центров.

К нашей канонической вертикали власти США относилось достаточно спокойно. Прихожанами Патриарших приходов являлись американцы. Все священнослужители, кроме пяти

человек, были гражданами США. Некоторые из них перешли в православие из католичества и протестантизма. Например, отец Викентий Саверинов, отец Марк Шин, отец Матфей Сифор, отец Пол Вотерс. Все они были подданными США, американцами по взглядам и ментальности. У них было искреннее желание и намерение принадлежать к Русской Православной Церкви Московской Патриархии. Они посещали Россию, видели гонения, репрессии и ограниченные возможности Церкви. Но в то же время становились свидетелями искренней веры народа и той культурной и духовной жизни, которую Православная Церковь, будучи гонима, сохраняла в обществе. Они посещали наши монастыри, видели монахов – искренних молитвенников, предстоящих перед Богом. Они высоко ценили духовный опыт, который хранила наша Церковь, те традиции, которыми жил наш народ, обращались к писаниям наших отцов – святителей Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника – и черпали в них для себя духовную силу. Не мы, а Господь приводил их в спасительную ограду нашей Церкви, и они принимали Православие.

Всего у меня в епархии было тридцать восемь клириков (священников и дьяконов), многие из которых происходили из до-революционной эмиграции, большей частью из Закарпатья, где к Русской Церкви, и вообще к России, всегда относились хорошо.

Социальный состав прихожан был таким же разнообразным, как и сами приходы. В глубинке – простые рабочие и фермеры, в городах – юристы, адвокаты, врачи. В Нью-Йорке среди прихожан было несколько деятелей культуры, выехавших из России. В Нью-Джерси и Филадельфии храм посещали депутаты конгресса, в отдельных приходах были и представители местной власти.

По своему характеру американцы более открыты и коммуникабельны, чем русские, но в своей частной жизни они более рациональны, их личный мир закрыт для посторонних. Они могут говорить подолгу и не сказать ничего. Они меньше ходят в гости, а если принимают кого у себя, то, в отличие от русских, не проявляют хлебосольства.

Вспоминаю один случай. Приехал я на приход в Детройт. Вместе с местным духовенством совершили Литургию. По обычаю пришли в приходской зал на чай-кофе. Принимавший меня священник сказал: «Владыка, здесь лёгкая закуска, а потом мы поедем на «динар» в дом одного миллионера». Я ещё плохо разбирался в английском языке и подумал, что это будет обед.

Примерно через полчаса мы уже были у миллионера в пригороде Детройта. Он встретил нас и стал показывать свои владения, где была даже площадка для игры в гольф. Мы ходили и говорили о жизни, я рассказывал про Москву, Троице-Сергиеву Лавру. Через полтора часа прогулки по территории мы вернулись в дом. Вначале он мне показал комнаты на первом этаже, их было около шести, после чего расположились в большом зале и продолжили разговор.

Через некоторое время вошла его супруга с двумя небольшими подносиками, на которых были маленькие бутербродики трёх видов с сыром, рыбой и крабовым паштетом, и предложила их нам. Хозяин сказал мне, что паштет делала сама его супруга для меня, и что это её фирменное блюдо.

Бутерброды были небольших размеров, примерно три на три сантиметра. Также нам предложили по желанию напитки. Я взял какой-то напиток, положил на тарелочку по одному бутерброду. Попробовал бутерброд с паштетом и поблагодарил хозяйку за хорошее приготовление. Затем мы продолжали разговор, а сам я подумал: это, наверное, закуска, сейчас в соседней комнате будет настоящий «динар».

Мне второй раз предложили эти бутербродики. Для приличия я взял ещё по одному. Минут через двадцать подали кофе, чай, бисквиты на десерт. И тогда я понял, что это и есть «динар». Я, естественно, попросил чая, только сказал, чтобы его не заваривали пакетиками. А пока готовили чай, я, уже по-американски, подошёл к стойке, где стояли бутербродики, положил ещё несколько штук на свою тарелку, расхваливая хозяина и его супругу за прекрасно приготовленный паштет.

Вот такой приём был у миллионера. Для американцев это нормальный стиль. Когда встреча окончилась и мы попрощались, местный священник мне говорит: «Наверное, владыка, вам голодно, поедимте в ресторан, покушаем». Я с благодарностью на него посмотрел и решил воспользоваться его приглашением.

Расскажу и ещё об одном случае. Как-то я приехал на один наш приход, и оказалось, что в этот день у одного из прихожан был день рождения. Вечером меня пригласили к нему на ужин в ресторан. Собралось человек пятнадцать-двадцать. Я пришёл, поздравил, вручил подарок. Дали меню, каждый сам сделал заказ. Мне предложили взять морепродукты, я согласился. Сидим, общаемся. В конце ужина подходит официант и с каждым гостем рассчитывается. Когда эта процедура началась,

меня священник успокоил: «Владыка, не беспокойтесь, за вас приход заплатит». Вот так званый ужин!

Что касается церковной жизни, то американцы почти не посещают вечерние богослужения, народ бывает лишь на Литургии. На вечернее богослужение прихожане собираются только под Рождество, в другие дни людей бывает мало. Сама вечерняя служба как будто выпала из распорядка их духовной жизни. Это немного странно. Вечернее богослужение в большей степени, чем Литургия, отражает смысловое содержание каждого праздника. Там поются стихиры праздника, читаются каноны, которые отображают то или иное церковное событие, память святого или празднование иконы Божией Матери. У нас, к примеру, в Нью-Йоркском соборе на Всенощном бдении бывало человек десять-двенадцать, а в летние дни и того меньше.

Вспоминаю первый праздник Богоявления в Нью-Йорке. Накануне я пришёл в собор и обратил внимание, что к службе в Богоявленский сочельник ничего не готовится. Я спросил местного священника, в чем будем завтра воду освящать, есть ли большие сосуды. Он показал мне обычную кандию, где-то на восемь-десять литров. Я удивился: «Но этого не хватит!» Он ответил, что вода даже останется. Так действительно и получилось. На службу собралось около тридцати человек, но только у двоих были с собой сосуды. Остальные после освящения воды подошли и попили её, ничего не взяв с собой. Так что почти вся крещенская вода осталась нам.

Находясь в Америке, я чувствовал духовный вакуум и любил посещать Свято-Тихоновский монастырь в местечке Саут-Канаан штата Пенсильвания, который был основан святителем Тихоном, Патриархом Всероссийским ещё в 1905 году, когда он возглавлял Североамериканскую епархию. По его инициативе была куплена ферма с участком земли для устройства монастыря в честь святителя Тихона Воронежского. Это первый православный монастырь в США, действующий и поныне.

Монастырь находится в юрисдикции Православной Церкви в Америке, на его территории расположены административный центр Восточнопенсильванской епархии, резиденция епархиального архиерея и Свято-Тихоновская духовная семинария. Богослужение там совершалось ежедневно на английском и славянском языках.

Приезжая туда, я всегда находил духовную поддержку. При мне заместником монастыря и ректором семинарии был

архиепископ Филадельфийский и Восточнопенсильванский Герман (Свайко). Это был простой в общении и гостеприимный человек, хорошо говорящий по-русски. Когда он находился в монастыре, то старался не пропускать богослужение. В обители было несколько духовников, но и сам владыка во время вечерней службы выходил на левый клирос и исповедовал духовенство и мирян. Духовенство и паломники к нему относились с уважением и обращались за советом.

Теплые дружественные отношения сложились у меня с Предстоятелем Православной Церкви в Америке митрополитом Вашингтонским Феодосием и другими епископами этой Церкви: архиепископом Ситкинским и Аляскинским Григорием (Афонским), архиепископом Нью-Йоркским Петром (Л'Юилье), епископом Оттавским Серафимом (Сторгеймом), епископом Далласким Дмитрием (Ройстером).

С Блаженнейшим митрополитом Феодосием общались мы часто, совершали совместные богослужения в его соборе в честь Святителя Николая в Вашингтоне, в Свято-Тихоновском монастыре и нашем Свято-Никольском соборе в Нью-Йорке. По его приглашению мы вместе ездили на Аляску, где посетили места подвигов преподобного Германа Аляскинского и святителя Иннокентия, митрополита Московского, много потрудившегося для проповеди христианства в этой отдалённой части континента.

Развивая отношения с православными Церквями в Америке, я имел постоянные братские встречи с их представителями. Они приходили к нам на богослужение или на приемы, а я участвовал в их праздничных богослужениях. Часто я встречался с главой Греческой архиепископии в США архиепископом Иаковом, а также с их архиереями митрополитом Силой, епископом Афинагором и епископом Питсбургским Максимом. Они посещали нас в представительстве, где им особенно нравилась наша русская кухня. Я также бывал у них в гостях.

Добрые отношения у меня сложились с митрополитом Антиохийской Церкви Филиппом (Солиба), архиепископом Сербской Церкви Христофором, архиепископом Румынской Церкви Викторином и митрополитом Болгарской Церкви Иосифом. В США они управляли епархиями, которые находились в подчинении своих отечественных синодов.

С владыкой Иосифом я был знаком ещё по Московской духовной академии. В то время, когда я там учился, он был профессорским стипендиатом и работал над кандидатским сочинением.

Преподобный Сергей сблизил нас в Лавре и объединял нас в Америке. Владыка Иосиф приехал в Америку через несколько лет после меня. Мы с ним часто встречались, он приходил ко мне в гости, а я бывал у него. Всякий раз разговор в основном шёл о России и Лавре Преподобного, и я понял, какая это необъятная тема. В наших беседах, которые длились порой несколько часов, мы не повторялись, открывали для себя что-то новое, или точнее Господь открывал нам новое. Владыка всегда с радостью принимал приглашения на наши мероприятия. Это общение, а главное, совместная молитва, нас укрепляли.

В Америке есть довольно активная организация СКОБа (Постоянная конференция канонических православных епископов Америки), которая объединяет всех православных епископов для решения вопросов, возникающих перед православными церквями.

Главной проблемой для православной Америки является разделённость более чем на десять юрисдикционных групп. Всего православных в США около пяти миллионов человек, но среди юрисдикционных групп нет единства. Это относится не только к иерархической власти – отсутствует единое понимание канонических норм, существуют различия в совершении богослужений и треб, причем выражается это не в национальных богослужебных традициях, а в приспособлении богослужений или таинств к американскому образу жизни.

СКОБа старается находить пути к созданию единого православного пространства в США при сохранении национальных церковных традиций в общинах. В настоящее время пока удаётся показать единство через совместное богослужение в Неделю Православия и обсуждение вопросов на конференциях.

Неоднократно я посещал православные духовные учебные заведения: Свято-Владимирскую семинарию в Нью-Йорке, Свято-Тихоновскую семинарию в Саут-Канаан, штат Пенсильвания, Греческую семинарию Святого Креста в Бруклайне, в Бостоне, штат Массачусетс. Меня интересовало, как там построена система образования. При достаточно высоком уровне преподавания она отличается от наших духовных школ большей демократичностью, и, я бы сказал, светскостью. Они не обращают внимания на второстепенные вещи, главное – наука. С одной стороны, может быть, это правильно, но с другой – в жизни мелких вещей не бывает. Жизнь человека представляет собой единое целое, и расчленять её на разные категории неверно. Каждая мелочь – это часть жизни, и именно эти мелочи составляют

целостную жизнь. Для молодого человека, учащегося семинарии, нужен воспитательный процесс, и все нормы Православия он должен усвоить как свои нормы.

В Свято-Владимирской семинарии я неоднократно встречался с протопресвитером Александром Шмеманом, протоиереями Иоанном Мейендорфом и Фомой Хопко. Это настоящие учёные, наука – это их жизнь, и ей они отдавали все свои силы. Их слово обращено к человеку с секулярным мышлением, но это та среда, в которой они создавали свои научные труды.

Когда я служил в Америке, то часто встречался с различными людьми, включая высокопоставленных лиц из правительства США, из ООН, губернаторов штатов, а также представителей деловых кругов. Я видел, как плотно расписан у них график, и при встречах мне приходилось учитывать это. Иногда на беседу отводилось только тридцать минут, и для того, чтобы они могли понять позицию Церкви, следовало чётко изложить все вопросы и сформулировать их в краткой, но доступной форме. Кроме того, нужно было учитывать, что они не знакомы с Православием, почти ничего не знали о Русской Православной Церкви. В беседах необходимо было не только рассказать о Церкви, но, наряду с этим, решать имеющиеся вопросы. В то же время они могли, всё внимательно выслушав, ничего не ответить по существу. Так, при подготовке к празднованию в США 1000-летия Крещения Руси я встречался с Генеральным секретарем ООН Хуаном Пересом де Куэльярром. Во время встречи, которая длилась тридцать минут, я рассказал о Русской Церкви, о подготовке к празднованию в Москве и просил поддержки в организации празднования в Нью-Йорке. Он слушал с большим вниманием, уточнял вопросы по мероприятиям, интересовался изменениями в стране, а в конце, подводя итог, повторил основные позиции, которые я изложил, и отметил важность юбилея для России. Я увидел его дипломатическое умение вести разговор, давая возможность собеседнику высказать свой вопрос и дать ответ на него, не раскрывая при этом своей позиции. Опыт общения с политической элитой в этой стране пригодился мне здесь, в России. Я считаю, что очень важно уметь выслушать собеседника, ценить его время, ведь многие приезжают издалека, и им после решения всех своих вопросов предстоит возвращаться домой.

Не могу не отметить сложившиеся добрые отношения с рядом представителей Русской Зарубежной Церкви. Я посещал их

соборы – Знаменский в Нью-Йорке и Радосте-Скорбященский в Сан-Франциско, Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Наяке.

Во время посещения Джорданвилля запомнились встречи с митрополитом Лавром, тогда он был архиепископом Сиракузским. В беседе мы старались уходить от всех канонических вопросов тогдашних отношений РПЦ и РПЗЦ. Главной темой было состояние духовной жизни в Советском Союзе в то время и задачи священников, которые служили в Америке, по сохранению в этой среде русских культурных и духовных традиций. Хотя в Джорданвилле издавалось много книг, но спрос на них в диаспоре всё время сокращался. Молодежь не только утрачивала навыки чтения и понимания русского языка – даже в их среде происходила секуляризация сознания, много молодых людей отходило от веры своих отцов.

Доводилось мне встречаться и с другими епископами и священниками Зарубежной Церкви, и хотя у них был интерес к церковной жизни в Советском Союзе, но они всегда проявляли некоторую настороженность.

Болеё открытыми к взаимоотношениям были миряне. У меня сложились прекрасные отношения с некоторыми из наиболее активных из них. К примеру, Игорь Петрович и Милица Александровна Холодные. Я часто бывал у них в гостях, они ко мне тоже приезжали. У них дома я неоднократно встречался с епископом Илларионом (ныне Первоиерархом Русской Зарубежной Церкви). Одними из первых они в конце 1980-х годов приехали в Россию.

Несмотря на то, что прошедшие десятилетия после разделения Церквей мы шли разными путями, при всех встречах я чувствовал наше внутреннее единство. Они, оказавшись в 20-е годы прошлого столетия за пределами России, смогли сохранить русскость, и, находясь в чуждой для Православия среде, сберегли веру православную, и всегда считали себя частью единой Русской Православной Церкви.

Вдали от родины они испытывали боль за страдающую Мать-Церковь, которая переживала самую страшную за всю свою историю Голгофу. Их молитвы, их голос помог хоть в малом стаде, но выжить Русской Православной Церкви в Отечестве. Они помогали, как могли. Типография при монастыре в Джорданвилле печатала литературу на русском языке, и значительная часть её разными путями направлялась в Советский Союз. А здесь ждали выхода в свет каждой новой книжки или

брошюры, ведь тогда в нашей стране, при всех мировых открытиях и эпохальных достижениях, была духовная пустыня. Вспоминаю встречи с протопресвитером Зарубежной Церкви Александром Киселевым, который был в своё время духовником генерала Власова.

Однажды мне попал в руки журнал «Русское Возрождение». Я с интересом его прочитал. Этот журнал привлёк меня тем, что все материалы были написаны на хорошем, понятном русском языке.

С молодости у меня был большой интерес к книгам. В работе с ними я проводил много времени, и любил их собирать. В библиотеке Московской духовной академии в основном были книги позапрошлого века, а вот трудов современных богословов и церковных писателей почти не было. В Советском Союзе религиозная литература практически не издавалась, и всегда, когда приходилось бывать за границей, я привозил оттуда книги, а, приехав на служение в Америку, начал собирать их и там.

И вот мне попался журнал, который легко было читать, и я решил узнать, где он издаётся. Настоятель нашего храма Трёх Святителей в Гарфилде священник Александр Голубов, который каждую неделю бывал у меня по делам прихода, помогал по канцелярии и приносил книги, рассказал мне про отца Александра Киселёва, про Свято-Серафимовский Фонд и про этот журнал. Я попросил его познакомить меня с отцом Александром.

При первой нашей встрече с отцом Александром одна вещь глубоко запала в сердце: я увидел в Америке, в Нью-Йорке, в манхеттенской квартире человека чисто *русского*. Я почувствовал ту любовь, которую он питал к России, и что-то такое, о чём я читал у Чехова и других хороших русских писателей: русское благородство, русскую душу. В небольшой нью-йоркской квартире со старинной мебелью я встретил Великую Старую Россию, не умирающую, а живущую и борющуюся за сохранение в изгнании. Она была в этом человеке, в его словах, в его рассуждениях, в его взгляде, который говорил и о тоске по родине, и о любви к ней, и о радости от того, что он русский. Тогда я осознал, чего мне не хватает в моей жизни в Америке – вот этого чисто русского общения.

Оказавшись в тридцать три года, молодым епископом, в Америке, я остро чувствовал одиночество и тоску по родине. Там я понял, почему наша эмиграция так ценила, хранила и так стремилась передать своим детям и внукам любовь и верность к своей вере и к России.

Мы с отцом Александром долго беседовали. Больше он меня расспрашивал, задавал вопросы. Я отвечал на них и рассказывал, как живут в Советском Союзе, как верующие любят свои храмы, как ходят на службу. Когда он о чём-то спрашивал, мне казалась, что он всё знает и просто интересуется. Меня удивляло, с каким вниманием он слушал мои рассказы. Это позднее он мне сказал, что о России знает много, но только по газетам и книгам, а живой голос ему интересней, во время нашей беседы он как бы соприкасался с самой Россией.

С тех пор мы виделись почти каждый месяц. Позднее я познакомился и с дочерью отца Александра – Милицей и её супругом – Игорем Петровичем Холодным. Когда я встречался с ними, то явственно ощущал, что отец Александр сумел передать своим детям и внукам всё свое внутреннее богатство и духовные принципы, любовь к России и веру в неё.

Журнал, который издавал отец Александр, помогал духовному возрождению наших людей, нашего Отечества. Каждый раз, когда я ехал из Нью-Йорка в Москву, старался взять с собой как можно больше номеров «Русского Возрождения». На таможне в Москве, считая в моем багаже номера журнала, спрашивали: «Не много ли?» Я отвечал: «Есть лишние? Возьмите себе!» Верил, что не сожгут, а прочитают, передадут другим. Так оно и было.

Я часто приходил к отцу Александру, и мы с ним беседовали часами. Получалось, что я, будучи архиереем, слушал его, как ребёнок, со вниманием и интересом, так много познавательного было в словах этого человека. А когда я начинал рассказывать о России, то он вникал в каждое слово, как будто сличал две картины – ту, которая запечатлелась в его юном сознании, с той, о которой слышал сейчас.

С приходом к власти Михаила Горбачева в нашей стране многое изменилось. Приближался юбилей 1000-летия Крещения Руси. В связи с этим отец Александр очень интересовался переменами в Советском Союзе. В США стали чаще приезжать делегации из СССР, в том числе и церковные. Когда приезжал кто-то из архиереев, я обязательно организовывал встречу с отцом Александром и семьёй Холодных. Я видел, какой большой интерес к русским архипастырям был у нашего земляка, осевшего на чужбине. Эти встречи длились часами, и мне казалось, ему этого общения недостаточно. Как-то я предложил ему: «Отец Александр, приезжайте в Россию». Он подумал и ответил: «Нет, наверное, мне не сподобится быть там». А я сказал: «Господь сподобит. У вас есть желание, и вы будете в России».

В 1989 году Святейший Патриарх Алексий, будучи тогда ещё митрополитом Ленинградским, посетил Нью-Йорк. И здесь произошла замечательная встреча: Патриарх встретил своего первого учителя – отца Александра. Святейший, когда был ещё отроком, начинал свое церковное поприще в том приходе, где отец Александр был настоятелем. Встреча была удивительной – митрополит Ленинградский и Новгородский Московского Патриархата и протопресвитер Русской Церкви за рубежом сидели, беседовали, вспоминали прошлое. Они не виделись почти пятьдесят лет и никак не могли насладиться общением друг с другом. Вспоминали, как ездили на Валаам, ещё довоенный... Говорили оба, и в беседе почти не было пауз, не чувствовалось никакого разделения. Долгая тогда была беседа, душевная... Я радовался их общению и с грустью смотрел на часы, как стрелки приближались к полуночи. Расставаясь, владыка Алексий пригласил отца Александра посетить страну. Через девять месяцев после этой встречи митрополит Алексий был избран Патриархом Московским и всея Руси. В стране начались политические изменения. КПСС стала терять власть, и были сняты ограничения на въезд в страну.

При первой же возможности посетить Россию отец Александр и матушка Каллиста Ивановна прилетели в Москву. В первый свой приезд на родину они находились здесь два месяца и всё время ездили по стране. Я его встречал только на богослужениях. Каждый раз интересовался: «Отец Александр, как вы? Какие у вас планы?» «Не спрашивайте, как, я переполнен впечатлениями. Всё время приходится ездить, – говорил он, – я был там, был там... Завтра еду туда, потом туда и туда»...

В одну из таких встреч я ему предложил: «Отец Александр, немножко отдохните, приезжайте ко мне в Калугу»... Он меня выслушал, улыбаясь, и ответил: «В Калугу я непременно приеду, а отдыхать мне некогда, я должен объехать всю Россию!»

Какая любовь к России была у этого человека! Сколько лет он её хранил, и сколько она давала ему жизненных сил тогда, когда он жил в эмиграции и когда на склоне лет приехал в Россию. Нет, это был не закат, в тот первый приезд Господь по его вере дал ему, наконец, счастье быть русским в России. Несмотря на то, что значительная часть его жизни прошла вне России, он хранил в своих лёгких необыкновенный русский воздух и, прибыв сюда, смог снова глубоко вдохнуть его, вспомнить запах Отечества и насладиться русской речью. Такова была устремлённость этого человека: прожив столько лет

за пределами родины, он сохранил её в своём сердце. Господь даровал ему долгую жизнь, и о. Александр всё время не оставлял надежды вернуться на родную землю. Когда он жил здесь, он был просто счастлив, видя, что Господь услышал его молитвы, и страна возрождается. Господь берёт отца Александра, чтобы мы могли почувствовать в нём ту Россию, которая была разрушена большевиками.

Когда я навещал его в Донском монастыре, и когда он приезжал ко мне в Данилов, я неизменно чувствовал, что, несмотря на московскую суету, он наслаждался русским духом, нашей русской жизнью. Пусть она изменилась, но Россия осталась. Отец Александр и его матушка сохранили в себе русскую культуру, русскость как таковую и сумели через созданный им журнал «Русское Возрождение» донести это до нас, помочь человеку осознать, кто он есть в этом мире, понять, почему наш народ – православный, а наша земля – Святая Русь.

Находясь вдалеке от родины, в иной по ментальности стране, я так же, как и отец Александр, укрепил в себе любовь к Православию, любовь к России, к русской культуре. Я прочувствовал, что значит Россия с её духовными богатствами для каждого человека за рубежом. Что не мы ей, а она нам даёт.

Величие России не в протяженности территории, а в её культурном и духовном богатстве, в Святом Православии, которым она утверждается более тысячи лет. Россия сформировалась так, что она на своих просторах объединила людей разных национальностей, разных культур. Не мы делаем Россию Россией, это она делает нас русскими.